

Антонъ Давловичъ Чеховъ и его настроенія.

(Къ Чеховскимъ именинамъ и 200 й постановкѣ „Вишневаго сада“).

I.

Послѣ кончины Чехова (въ 1904 г.) посыпались, какъ изъ рога изобилія, воспоминанія о немъ... Вспоминали и ближніе, и дальніе, свои и чужіе... Одинъ биографъ, изъ школьныхъ товарищей покойнаго съ необычайной важностью сообщалъ, что „мальчикомъ Чеховъ былъ вялымъ увальнемъ съ лунообразнымъ лицомъ“; другой „воспоминатель“ (братъ М. Чеховъ) такъ же важно опровергалъ это сообщеніе и, въ качествѣ аргумента, приводилъ выписки изъ гимназическихъ чеховскихъ писемъ... Третій, четвертый, пятый, десятый „воспоминатели“ давали полную волю полетамъ свободной фантазіи, — и такъ постепенно создавалась годъ за годомъ обширная литература о Чеховѣ...

Просматривая ее, удивляешься тому, что на протяженіи цѣлаго десятилѣтія о такомъ незаурядномъ писателѣ, какъ Чеховъ, не появилось сколько-нибудь выдающихся и цѣльныхъ монографій, хотя и самый характеръ творчества Чехова, и оригинально-художественная манера его письма слишкомъ интересны и очень поучительны для исторіи современной литературы... Правда, монографическіе труды о Чеховѣ существуютъ и даже довольно солидныхъ размѣровъ, но всѣ они страдаютъ главнымъ недостаткомъ — однобокостью: никто не подошелъ къ Чехову просто, какъ къ необычайно-чуткому интеллигенту, прежде всего, какъ къ художнику слова, меньше всего думавшему о стильной манерности, а потому умѣвшему мастерски воссоздавать и передавать свои и чужіе настроенія...

II.

Настроеніе всегда было лейтмотивомъ чеховскаго творчества, и если бы Чехову довелось юные годы проводить въ артистической семьѣ — можно утверждать, что изъ него вышелъ бы гениальный русскій актеръ, артистъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова: Гаррикъ, Кивъ, Баркай, — вообще крупная русская и мировая незаурядность, — ибо ни у кого не было такихъ блестящихъ данныхъ для этого, какъ у Антона Павловича: чуткое пониманіе души человѣческой, глубокая интуиція въ области духа и способность вѣрно реагировать на малѣйшія колебанія психики...

Жизнь повела Чехова по иной дорогѣ: безтолковая гимназическая педагогика и слишкомъ всегда идейно-разбросанный медицинскій факультетъ университета могли бы сдѣлать изъ высоко-даровитаго Чехова совсѣмъ „ни паву, ни ворову“, какъ это слишкомъ даже часто бываетъ въ нашей російской дѣйствительности... И не живи Чеховъ въ университетскіе годы въ Москвѣ, его „художественная жилка“ могла бы захирѣть и заглохнуть навсегда, но столичная московская пестрота жизни, специфически - московскія впечатлѣнія, журнальные и газетные кружки („Будильникъ“ и друг.) спасли Чехова отъ опаснаго перелома въ его дарованіи; но — увы! — все-таки, Чеховъ не нашелъ вполне самого себя, и весь богатый комплексъ его настроеній остался внѣ своего природнаго влеченія, внѣ театра.

III.

Жизнь побаловала Чехова въ этомъ отношеніи только въ концѣ его жизни, когда процессъ его творчества почти случайно устремился въ сторону сценированія комическо-трагическаго, и изъ-подъ пера Чехова вышелъ рядъ драматическихъ произведеній отъ „Чайки“ до „Вишневаго сада“ включительно...

Чеховъ-драматургъ это — все-таки, еще не Чеховъ-артистъ!.. Артистическая сторона такъ и осталась безъ использования: въ этомъ заключается еще многомія не сознанный даже, можетъ быть, и самимъ Чеховымъ! весь трагизмъ его творчества...

Внутреннія силы просили иного выхода, а сложившіяся условія жизни (вольнo-практикующій врачъ и подающій большія надежды беллетристъ) заставляли надежды беллетристскія врожденныхъ способностей, и въ результатъ мастерство создавать и передавать настроенія размѣнялось на тысячи миниатюръ, — правда, художественныхъ и по существу сценичныхъ, но безпланныхъ, случайныхъ, мало удовлетворявшихъ ихъ гениальнаго творца...

Міръ настроеній остается у Чехова выявленнымъ совсѣмъ въ незначительномъ объемѣ, — и то только подъ конецъ жизни, когда надорванный уже мучительнымъ недугомъ организмъ совсѣмъ мѣшалъ правильной работѣ творчества, когда правды духовный обликъ писателя утратилъ въ значительной степени необходимую гармонию разума и чувства, когда все окружающее Чехова за-

ставляло его заниматься не плодотворнымъ синтезомъ, а мучительнымъ и нуднымъ анализомъ, развѣдающей душу мыслью о „суетѣ суетѣ“...

IV.

Чеховъ - беллетристъ не создалъ послѣ себя литературной школы да и не могъ ее создать, такъ какъ никогда не помышлялъ о роли литературнаго учительства... Но запоздавшій Чеховъ-драматургъ вполне могъ ее создать и отчасти кое-что сдѣлалъ въ этомъ направленіи.

Всѣ драмы Чехова — настоящая музыка: гамма настроеній, сложный контрапунктъ переживаній, лирическая мелодія жестовъ... Это — театр мысли, звуковъ и паузъ... И тогда еще никто, кромѣ самого Чехова, не сознавалъ, какія новыя возможности скрыты въ данномъ имъ богатомъ схематическомъ матеріалѣ новаго русскаго театра...

Намъ нужно еще дожидаться новаго русскаго Чехова, Чехова - артиста, Чехова - режиссера, чтобы при старыхъ огняхъ театральной рампы прилетѣла и пролетѣла блестящая „Чайка“ новаго сценическаго творчества переживаній и настроеній...

Ощупью къ этому подходили и подходятъ многіе: Ввра Коммиссаржевская, Мейерхольдтъ, московскіе „художественники“, недавно-рожденная „Студія“ въ Москвѣ-же; есть и въ провинціи загадочныя артистическія натуры, мечтающія о переходѣ „черезъ Черное море“ рутиннаго искусства, но.. безъ новаго Моисея этотъ переходъ невозможенъ...

А вотъ Чеховъ - то именно и былъ, по возможности, этимъ нужнымъ Моисеемъ; но суровая жизнь и холодные людишки не разгадали основной сущности его врожденнаго таланта: потому-то А. П. Чеховъ до сего времени въ своихъ „настроеніяхъ“ остается совершенно непонятнымъ и необъясненнымъ...

Я не забуду одной фразы А. П., которую мнѣ пришлось услышать и запомнить однажды при разговорѣ о судьбахъ русскаго театра:

— Россия еще дастъ мировую драму!.. Придетъ мигъ, когда русскій артистъ будетъ артистомъ-всечеловѣкомъ!..

Нынѣшняя 200-я постановка въ Художественномъ театрѣ „Вишневаго сада“ во многихъ мѣстахъ должна особенно прозвучать, какъ „реквиемъ“ для стараго искусства и какъ несознанный еще гимнъ болрому исканію новаго слова въ сценическомъ творествѣ, въ сложныхъ настроеніяхъ грядущаго дня...

Въ миллионный разъ скажемъ за это Чехову: „спасибо!..“

Николай Софдовъ.